

В. О. Ключевский

**Неопубликованные
произведения**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К52

Ключевский В.О.
К52 Неопубликованные произведения / В. О. Ключевский – М.: Книга по Требованию, 2018. – 416 с.

ISBN 978-5-458-47093-3

В публикацию неизданных произведений известного русского буржуазного историка Василия Осиповича Ключевского включены два курса: "Западное влияние в России после Петра" и конспект курса "Новейшая история Западной Европы в связи с историей России".

ISBN 978-5-458-47093-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2018

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2018

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВИЕ

Творческий путь ученого — история его научных поисков, борьба его сомнений, возникновение и созревание его гипотез и выводов, складывание больших концепций — все это неотъемлемая проблематика *истории науки*, в нашем случае — исторической. Но историография вовсе не занята, как полагают иногда, только конечными результатами исследований ученых и закономерностями их смены и накопления. Сверх этой важной задачи она не может не включать в себя творческую историю работы ученого. Тут нельзя обойтись без архивных материалов, без работы в архиве.

Наше знакомство с трудами известного буржуазного историка В. О. Ключевского останется неполным, если мы не вникнем в творческий процесс создания его произведений. Большие возможности для этого дает изучение его еще не публиковавшихся курсов и материалов к ним.

Настоящим изданием продолжается публикация рукописного наследия В. О. Ключевского, начатая книгой «В. О. Ключевский: Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории» (М., 1968). Оно открывается чрезвычайно интересным, ранее не публиковавшимся курсом «Западное влияние в России после Петра». Курс прочитан Ключевским в 1890/91 учебном году в Политехническом музее, в пользу голодающих. Голод в то время терзал крестьянскую Россию. Автор готовил курс к печати, но остановил работу, оборвав ее в самом конце: девять лекций уже были подготовлены, но десятая осталась незавершенной, в карандашной записи ряда отрывков. Тема эта не переставала интересовать ученого в течение всей его творческой жизни, пожалуй, еще со «Сказаний иностранцев о Московском государстве» (М., 1866), если не раньше.

Название курса, придуманное автором, было лишь прикрытием настоящего замысла: Ключевский давал в этом лекционном курсе развернутую картину российского XVIII в., разоблачал паразитизм дворянства, бессильного справиться с новыми, непреодолимыми для него задачами, вставшими перед страной. Лектор давал острую критику сменявших друг друга на престоле российских самодержцев и самодержиц. Перед широкой аудиторией Политехнического музея он чувствовал себя более свободно, нежели в университетской обстановке. Вероятно, острота поставленных тем и остановила руку Ключевского в последний момент. Сказать что-то в Политехническом в устной речи еще было можно, а вот напечатать такое в открытой печати представлялось не совсем безопасным.

В нашей книге этот цикл лекций появляется впервые, как, впрочем, и почти все остальные документы¹.

В. О. Ключевский был, как известно, одним из зачинателей историографического курса в университете — курс этот уже изучен и издан². Ключевский прочел его в 1888/89 учебном году в Московском университете. В его архиве сохранилось много рукописных работ (как цельных, так и в отрывках), посвященных историографии и доныне неопубликованных. Они объединены в нашем томе в особый цикл, следующий за курсом о «западном влиянии». Некоторые отрывки, хотя и разного времени, но относящиеся к историографии, сведены в группу текстов под единым заголовком. Расположены они в хронологическом порядке своих тем.

Большой интерес представляют впервые публикуемые четыре наброска Ключевского по варяжскому вопросу. Он стал очень «актуален» в науке и политической публицистике уже с конца 50-х — начала 60-х годов XIX в. Приближался 1000-летний юбилей Российского государства (862—1862). Юбилей был явно политический, «государственный»: самодержавие праздновало «свое» тысячелетие — таков был подразумеваемый подтекст праздника, так понимала его и официальная историческая наука той эпохи.

Важно было определить и хронологический «пункт отсчета» тысячелетия и характер силы, ставшей во главе государства. «Варяжский вопрос», давно бытовавший в исторической литературе и занимавший умы всех авторов общих историй государства Российского — от М. В. Ломоносова, М. М. Щербатова и Н. М. Карамзина до С. М. Соловьева, стоял, так сказать, на пороге проблемы. Профессора, читавшие общий курс истории в высшей школе, учителя истории в гимназиях, лицеях, семинариях, военных училищах — все неизбежно должны были переступить этот порог, предъявляя какое-то мнение о роли «призвания варягов» в возникновении русской государственности. Столкновение разных мнений было неизбежным для эпохи. «Норманисты», с давних времен, — укрепили тут свою «гегемонию»; они, так сказать, «обжили» в исторической науке свои академические квартиры, им казалось святотатством, что вновь народившиеся «антинорманисты» вообще обходились без варягов в своих концепциях. Споры доходили до предельной остроты.

Воспитанный в норманистской школе С. М. Соловьева, еще молодой — тридцатилетний — В. О. Ключевский начал в 1872 г. чи-

¹ Весь документальный комплекс настоящего тома был подготовлен в начале 70-х годов. Предполагался его выпуск вместе с моей монографией «Василий Осипович Ключевский» (М., 1974). Я изучала документы комплекса и использовала некоторые из них в своей монографии. См.: Там же, с. 297—304 и др.

² *Ключевский В. О.* Сочинения. М., 1959. Т. 8. См. также: *Киреева Р. А.* В. О. Ключевский как историк русской исторической науки. М., 1966; *Нечкина М. В.* Указ. соч., с. 283—288.

тать свой первый самостоятельный курс лекций по русской истории — сначала как правоверный норманист. Он шел еще дорогой, проложенной С. М. Соловьевым, — об этом свидетельствуют записи его лекций на женских курсах В. И. Герье³. Но время движется — и вот перед нами два рукописных отрывка на тему о «варяжском вопросе», написанных его рукою. (Оба впервые публикуются в настоящем томе.) Отрывки не датированы, но авторский аппарат ссылок на использованную литературу дает основания для предположений о времени, когда они писались. Наиболее поздняя дата выхода в свет цитируемой книги или статьи помогает установить тот хронологический рубеж, ранее которого рукопись Ключевского не могла бы возникнуть. Основываясь на этом, определяем первый (наибольший по объему) отрывок как написанный не ранее 1878 г., а второй (второе меньший по объему) как возникший не ранее 1876 г. Оба отрывка явно относятся к работе над лекционным курсом.

Блестяще написанный, подчас очень резкий по форме, первый отрывок свидетельствует, что у Ключевского зародились серьезные сомнения в правильности постановки «варяжского вопроса» как у норманистов, так и у антинорманистов («роксоланистов», как иронически называет он противников первых). Ключевский явно ищет некую третью позицию. Оба течения, с которыми он спорит, вызывают его предельно резкую оценку: они являются ученой «патологией», он намерен сказать это прямо на лекции. Предвидя несогласие заинтересованной «варяжским вопросом» аудитории, он прямо говорит: «Я знаю, Вы очень недовольны, что все эти ученые усилия разъяснить варяжский вопрос я назвал явлением патологии. . .» Бывают вопросы «нелишенные интереса», но в то же время не имеющие отношения к науке: «В книгах, которые так сильно Вас занимают, я не нашел ничего, кроме бескорыстных и обильных побтом усилий разрешить один из таких вопросов. . . Я, собственно, равнодушен к обоим теориям, и норманской и славянской, и это равнодушие выходит из научного интереса. . .». Спорят о возникновении элементов государственности, а сводят вопрос к «этнографическому составу крови» того или иного князя, даже ссылаясь на то, были ли первые русские князья «блондины или брюнеты». Вопрос о возникновении государственных порядков и национальности так не ставится. Он не против вопросов, кто был варяг, кто был славянин, но он решительно против ученых, которые в этом видят «ключ к разъяснению начала русской национальной и государственной жизни». Подробно разобрав далее критически отдельные теории и варианты предложенных решений, Ключевский внезапно остановил свое перо. Критика проведена им блестяще, но своего позитивного решения вопроса в целом в этом отрывке он не изложил.

Второй — второе более короткий — отрывок начинается с замечания, что после диссертации М. П. Погодина интерес к «варяж-

³ Подробнее об этом см.: *Нечкина М. В. Указ. соч.*, с. 249 и след.

скому вопросу» ослабел. Проведенную учеными специальную работу Ключевский считает «бесплодной». Он довольно язвительно замечает, что эта бесплодность «напугала нас», поэтому-де «мы боялись сделать новую догадку... мы считали это праздною игрой в гипотезы»; не следует уверять других «в том, в чем не убежден сам...» Ключевский напоминает слушателям, что сам он учился «в школе норманистов...» Однако мы сохранили их гипотезу лишь «как ученики ее создателей и не знали, что делать с ней как преподаватели»... Оружие сложено, но вопрос не решен — тяжелая формула, свойственная скептицизму Ключевского.

Третий и четвертый отрывки показывают, что Ключевский так и не нашел позитивной формулы своего третьего варианта, к которому столь активно и эмоционально стремился. Теперь он находит не решение, а новый путь к нему — историографический. Оба отрывка относятся, по-видимому, к концу 80-х—началу 90-х годов XIX в. (метод датировки тот же, что и выше). Как раз в эти годы Ключевский начал читать новый специальный курс по русской историографии⁴.

Прежние сомнения у автора, видимо, сохранились, но в историографическом курсе можно было вести изложение в более спокойном тоне. О «патологии» в постановке «варяжского вопроса» он уже не пишет. В обоих отрывках он сосредоточен на разборе самого летописного свидетельства о варягах. Замечательно, что критика источника превращается у него в историографическую характеристику: ведь летописец — не наивный свидетель происшедшего, а, собственно говоря, историк, выдвигающий определенную концепцию давнего события, истолковывающий устное предание. В этом отношении Ключевский как бы предвосхищает А. А. Шахматова. Сказание о призвании князей, имеющееся в Начальной летописи, — это вовсе «не народное предание, а только составленная по народному преданию ученая теория русского книжника начала XII века». Составитель Начального летописного свода «поставил у порога нашей истории мирное призвание и водворение заморских князей на нашей земле».

Едва ли некоторые смелые определения Ключевского могли бы в дальнейшем удержаться в печатном тексте его «Курса». Мы читаем в отрывке о том, что Рюрика, как любого наемника, хотели потом прогнать, но «Рюрик удержался на месте» и из «варяжского бродяги-кондотьера превратился в родоначальника русской династии». Таким образом ученый книжник XII в. «скандал княжеской (над строкой добавлено: „пиратской“) узурпации покрыл политической программой народного договора». Надо признать эту формулу весьма рискованной для «норманиста»

⁴ Ср. публикацию А. А. Зимина и Р. А. Киреевой «Из рукописного наследия В. О. Ключевского: (Новые материалы к курсу по русской историографии)» — В кн.: История и историк: Историографический ежегодник, 1972 г. М., 1973, с. 307—336.

80-х годов XIX в. Таким образом, суть дела, по Ключевскому, не в том, почему варяжский наемник стал во главе власти, а в том, почему через 2½ столетия *после* этого предполагаемого события русские книжники XII в. «так представили себе случившееся». Четыре хорошо отчеканенные заключительных вывода ярко завершают весь анализ Ключевского — отошлем к ним читателя. Последний, самый короткий отрывок представляет собою итоговый, сокращенный текст авторских выводов, носящий конспективный характер. Публикуемые тексты дают богатый материал для суждения о том, сколь условным «норманистом» был Ключевский. «Варяжский вопрос» скорее раздражал, нежели интересовал его.

Все рассмотренные отрывки датируются временем ранее написания «Курса русской истории». Они — как бы пройденные ступени перед публикацией его I тома. Начало подготовки «Курса» к печати надо отнести к половине 90-х годов XIX в.⁵ Над I томом «Курса», куда как раз входил «варяжский вопрос», Ключевский интенсивно работал в 1902—1903 гг. В конце июля 1903 г. уже поступали к нему корректуры. Сопоставим решение «Курса» с разобранными отрывками. Первый том вышел в свет в Москве в начале 1904 г. «Варяжский вопрос» освещен в его 9-й лекции. Он сильно, почти неузнаваемо изменен по сравнению с публикуемыми нами отрывками. Исчезли почти все резкие, острые определения. Исчезла и цельность темы. Вопрос подчинен общему изложению, его значимость уменьшена дроблением темы. Изложение вопроса не раз прервано то одной, то другой более значительной проблемой (то образованием военно-промышленного класса в городах, то вопросом о формировании городских областей, то значением великого княжества Киевского). Девятое место «вопроса» в числе первых глав говорит за себя, он как бы «вжат» в главу. Снят и историографический момент — он слишком выделил бы значение «варяжского вопроса», а Ключевский явно подчеркивает второстепенную его важность. Не он, а другие вопросы влекут исторический процесс. Решает всё возникновение городов и «городовых областей», их сила и тенденция к объединению. «Целые округа являются в зависимости от своих главных городов, и эта зависимость, по-видимому, установилась помимо и раньше князей»⁶. Более того, города, ставшие правителями областей, образовали «политические союзы, области» и это произошло «еще до появления князей киевских». Самому «сказанию о призвании князей» отведено всего полторы с небольшим страницы. Только полстраницы дано Киевскому княжеству «как первой форме русского государства»⁷. Важнее всего другое. Завершающий главу отдел («Обзор изученного») подчер-

⁵ Нечкина М. В. Указ. соч., с. 402—403. На титульном листе том именован 1-й частью «Курса».

⁶ Ключевский В. О. Курс русской истории. М., 1937, ч. 1, с. 131.

⁷ Там же, с. 144.

кивает, что «связующим элементом в новых общественных построениях служило уже не чувство кровного родства, а экономический интерес...». Когда торговые города вооружались, «они из главных складочных пунктов торговли превратились в политические центры...»⁸. В конце главы — методологическое обобщение: «Такова связь экономических и политических фактов в нашей начальной истории: экономические интересы последовательно превращались в общественные связи, из которых вырастали политические союзы»⁹. На этом фоне вопрос о том, призывали ли Рюрика, выглядел уже мелковато.

Мы встречаем в этом же разделе тексты об истории XVIII в. В. Н. Татищеве, историке начала XIX в. Н. М. Карамзине и далее — о М. П. Погодине, К. Н. Бестужева-Рюмина, И. Е. Забелине, Д. И. Иловайском, Н. И. Костомарове, тексты о юбилее Общества истории и древностей Российских, наброски речи, произнесенной на 150-летию Московского университета. Все эти работы относятся к разным датам, некоторые — к работе над курсом историографии, другие тяготеют к нему. Но есть и группа работ, которая возникла после чтения историографического курса, — они несут в себе дальнейшие размышления над историей исторической науки. Своих современников и здравствовавших предшественников Ключевский знал лично, и тексты о них содержат ценные для историографа детали. Значительны упоминания о других историках, не ставших особой темой статьи или данного публикуемого отрывка, но попутно освещенных в тексте и метко характеризованных. Встречаются и отрывки обобщающего историографического содержания; к ним относится, например, текст, озаглавленный редакцией «Введение в курс лекций по русской историографии»; это этюд о воздействии исторических знаний на общественное мировоззрение. Поскольку работа имеет позднюю дату (1902 г.), она содержит дальнейшее развитие историографических взглядов Ключевского по сравнению с его более ранним историографическим курсом. Относясь к теме об историческом сознании русской интеллигенции, курс богат острыми наблюдениями. По мнению Ключевского, русское образованное общество питает к истории своего Отечества непосредственный интерес — «живой, но сдержанный, ближе к недоумению, чем к равнодушию», без отчетливой мысли, «на что бы она могла понадобиться».

Далее следует неопубликованный курс лекций, прочитанный в Абастумане. Речь идет не о курсе русской истории, а о курсе истории всеобщей, в которую история России включена в соответствующих местах отдельными главами. Выполнялась программа высшего военного учебного заведения, где специального курса истории России не было. Ключевский был хорошо подготовлен к такому курсу: он долгие годы преподавал всеобщую историю в Александровском военном училище в Москве.

⁸ Там же, с. 146.

⁹ Там же, с. 147.

Собственно, перед нами не рукопись *лекций*, а лишь их краткое конспективное изложение¹⁰. Чтобы составить такие конспекты, Ключевский делал многочисленные наброски карандашом в своих записных книжках. Самих конспектов, «крупно и разборчиво» перебеленных, нам найти пока не удалось. До нас дошли лишь предварительные записи карандашом в тетрадах Ключевского. Поручиться за полную идентичность проспекта и черновой записи профессора никак нельзя, по особому значению это и не имеет. Для нас, на мой взгляд, важнее его предварительная запись. Вчитываясь в эти черновики, мы можем заметить, что Ключевский нередко говорит тут и «сам с собою». В примечаниях к этим черновым текстам собраны и воспроизведены многочисленные суждения Ключевского, например, о представительном правлении, которое представлялось ему в виде примиряющего все классовые противоречия государства, о невозможности осуществить народовластие, и ряд других. Таким образом, для современного читателя становится очевидной буржуазная ограниченность исторических воззрений Ключевского.

Экспюры в обобщающие темы иногда, по-видимому, становятся у Ключевского замыслами отдельных работ. Они собраны в настоящем томе в отдельный цикл литературно-исторических набросков, сгруппированных по объединяющей теме. Публикуется пять набросков с характеристикой «общественных типов» и ряд других, в том числе два наброска «мыслей об интеллигенции», мысли «о веровании и мышлении», искусстве и морали. Некоторые из набросков были в последние годы опубликованы в периодической печати.

В особый цикл собраны наброски Ключевского о русских писателях. Обзор отдельных текстов был опубликован в периодической печати, а еще ранее (о набросках о Н. В. Гоголе) было доложено М. В. Нечкиной в Институте истории, Институте мировой литературы им. Горького и Институте русской литературы (в 1942 г.), во время совместного заседания институтов в Ташкенте, в годы эвакуации.

Среди публикуемых в нашем томе новых материалов имеются наброски о М. Ю. Лермонтове, связанные со статьей Ключевского «Грусть». В этом же отделе есть заметки о романе И. А. Гончарова «Обломов», о романах Ф. М. Достоевского «Идиот» и «Преступление и наказание». Имеются наброски об А. П. Чехове и других писателях.

Последний отдел нашего тома посвящен собственному литературному творчеству В. О. Ключевского, писавшего иной раз и стихи и прозу для удовольствия друзей и собственного развлечения. Отдел открывается текстами, сочиненными еще юным Ключевским.

¹⁰ В моей работе «Василий Осипович Ключевский» я подробно останавливаюсь на этом курсе, его содержании, условиях преподавания. (см.: *Нечкина М. В. Указ. соч.*, с. 325—347, 354—362 и др.).

За содействие выходу в свет настоящего издания выражаем нашу признательность директору Архива Академии наук СССР Б. В. Левшину. Приносим благодарность за ценную консультацию и переводы иностранных текстов Г. С. Кучеренко и Б. М. Туполеву. Благодарим за содействие в работе сотрудников Отдела рукописных фондов Института истории СССР АН СССР, Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, Отдела редких книг Публичной Исторической библиотеки, Архива АН СССР, а также сотрудников Института истории СССР АН СССР Г. П. Махнову и М. И. Удальцову, принимавших участие в сверке архивных текстов.

Составителями издания являются А. А. Зимин и Р. А. Киреева. Комментарии составлены Р. А. Киреевой при участии А. А. Зимина. В разделах «Мысли о русских писателях» и «Стихотворения и проза» использованы примечания Э. Г. Чумаченко. Аннотированный указатель составлен Ю. Н. Емельяновым.

Академик М. В. Нечкина

Предмет чтений
«ЗАПАДНОЕ ВЛИЯНИЕ В РОССИИ
ПОСЛЕ ПЕТРА»

1890—[1891] г[оды]

1-я [лекция]

ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ КУРСА¹

Предметом курса, которым буду я иметь честь занять ваше внимание, я избрал некоторые явления нашей истории XVIII в. Вы позволите мне не говорить сейчас же, какие это явления. Если я укажу их сейчас, мой выбор может показаться вам неожиданным. Я боюсь, вы спросите, зачем именно такие, а не другие явления хочу я изложить вам. Потому я прошу предварительно выслушать соображения, которые руководили моим выбором.

Недоумение, которого я опасуюсь с вашей стороны, очень возможно по самому характеру века, к которому относятся избранные мною явления. История России в XVIII в. производит впечатление каприза, неустойчивости, непоследовательности. По крайней мере, такое впечатление выносили многие, начинавшие изучать ее. Им казалось, что направление дел в России этого времени зависело² только от усмотрения людей, руководивших делами, что у этих людей не было никаких ясных целей, а самые дела не следовали никакому обдуманному порядку, лишены были определенных принципов. Недаром этот век нашей истории долго считался у нас временем случайных людей и неожиданных дел. Сколько переворотов и народных мятежей испытала тогда Россия! Сколько раз правительство меняло направление своей деятельности!³ Сидела на престоле императрица Анна, мало заботившаяся о просвещении, и время ее представляется эпохой мрака и невежества. Но вступила на тот же престол ревнительница наук и⁴ искусств Екат[ерина] II, и просвещение разлилось по России. Петр III освободил дворянство от тяжкого бремени⁵ обязательной службы, и дворянская гвардия свергла Петра III с престола.

Верно ли это впечатление? Едва ли; по крайней мере, оно мало вероятно. Во внешней природе чем больше, массивнее тело,

¹ Заглавие написано карандашом позже текста.

² Буква о написана над зачеркнутой и.

³ На полях: Престолонаследие.

⁴ Слово написано на полях.

⁵ Два предыдущих слова написаны над строкой.

тем его труднее поворачивать и передвигать⁶; то же самое и в исторической жизни; а в Европе XVIII в. не было политического тела более массивного и менее подвижного, чем была Российская империя по своей обширности, по своему этнографическому составу, наконец, по своему политическому складу. Такие массивные тела как в природе, так и в истории движутся или покоятся больше по инерции, чем по воле своих двигателей. Отчего же происходит впечатление, производимое на многих жизнью русского общества XVIII в. — того общества, которое до этого века двигалось, по-видимому, с такой обдуманной медлительностью, с такой закономерной неповоротливостью⁷, повинувшись своим инстинктам и привычкам, заветным дедовским преданиям? Позвольте мне ответить на этот вопрос простеньким сравнением. Железнодорожный поезд, конечно, представляет собою прибор более массивный, чем простая русская телега, и в нем строже соблюдены законы механики, чем в этом экипаже⁸. Между тем на⁹ зрителя наивного, мало знакомого с машинным делом, тот и другой прибор передвижения¹⁰ производит впечатление, совсем не соответствующее их составу. В движении телеги он не видит ничего капризного, неожиданного, потому что весь несложный механизм ее открыт¹¹, доступен его наблюдению и пониманию. Наблюд[ате]ль¹² видит, что возница дергает вожжами, как лошадь напирает грудью на хомут и ставит ноги в наклонное положение, как вслед за ее шагами начинают вертеться все четыре колеса. Наивный наблюдатель видит и понимает, какие силы и в какой последовательности приводятся в движение, чтобы тронуть с места¹³ пару седоков, и он не находит в этом движении ничего капризного. Совсем другое дело железнодорожный¹⁴ поезд: раздастся третий звонок, машинист повернет там что-то, взлетит со свистом струйка белого дыма и десятка два¹⁵ больших ящиков с целым уездным городом пассажиров тронутся и побегут на своих шестидесяти¹⁶ парах колес. Каким волшебником должен показаться наивному зрителю этот машинист, одним поворотом винтика или рычажка производящий такое механическое чудо! Зритель и не догадывается, что в этом движении меньше чудес и произвола, чем в движении телеги, что железнодорожный поезд не может ни свернуть в сторону с рельсов, ни перепрыгнуть через маленький промежуток двух развинченных и раздвинутых¹⁷

⁶ Два предыдущих слова написаны над зачеркнутым: со стороны в сторону.

⁷ Слово написано над зачеркнутым: инерцией.

⁸ Два предыдущих слова написаны над зачеркнутым: последней.

⁹ Слово написано над строкой.

¹⁰ Первоначально было: движения.

¹¹ Слово написано над строкой.

¹² Слово написано над зачеркнутым: Оп.

¹³ Три предыдущих слова написаны над зачеркнутым: мобилизовать.

¹⁴ Слово написано над строкой.

¹⁵ Слово написано над зачеркнутым: три.

¹⁶ Слово написано над зачеркнутым: девяносто.

¹⁷ Два предыдущих слова написаны над строкой.